

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
10 March 2021
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Решение, принятое Комитетом в соответствии
с Факультативным протоколом относительно
сообщения № 2674/2015* ** *****

<i>Сообщение представлено:</i>	К. Дж. (представлен адвокатом Томасом Станиславасом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор
<i>Государство-участник:</i>	Литва
<i>Дата сообщения:</i>	5 февраля 2015 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 10 ноября 2015 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	19 октября 2020 года
<i>Тема сообщения:</i>	частная жизнь; процедура, установленная законом; незаконное вмешательство; справедливое судебное разбирательство
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты; приемлемость — явная необоснованность сообщения; злоупотребление правом на представление сообщений
<i>Вопросы существа:</i>	право на справедливое судебное разбирательство; право на неприкосновенность частной жизни
<i>Статьи Пакта:</i>	пункт 1 статьи 14 и пункт 1 статьи 17
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	2, 3 и 5, подпункты а) и б) пункта 2

* Принято Комитетом на его 130-й сессии (12 октября — 6 ноября 2020 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Сюити Фуруя, Кристоф Хейнс, Дейвид Х. Мур, Данкан Лаки Мухумуза, Эрнан Кесада Кабрера, Василька Санцин, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Юваль Шани, Элен Тигруджа и Гентиан Зюбери.

*** В приложении к настоящему решению приводятся особые (несогласные) мнения членов Комитета Васильки Санцин и Сюити Фуруя.

1.1 Автор сообщения является К. Дж., гражданин Литвы 1960 года рождения. Он утверждает, что стал жертвой нарушения государством-участником его прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 14 и пунктом 1 статьи 17 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 20 февраля 1992 года. Автор представлен адвокатом.

1.2 Государство-участник 11 января 2016 года представило свои замечания относительно приемлемости сообщения и просило Комитет рассмотреть вопрос о приемлемости сообщения отдельно от его существа. Комитет 23 июня 2016 года, действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям и временным мерам, принял решение отказать государству-участнику в удовлетворении его просьбы.

Обстоятельства дела

2.1 18 октября 2013 года автор был осужден окружным судом Ширвинтоса за мошенничество. Решение было окончательно принято 10 февраля 2014 года. В.С., бывший подчиненный автора сообщения, участвовал в уголовном разбирательстве в качестве свидетеля против автора сообщения. На этапе следствия автору было запрещено контактировать с В.С., с тем чтобы у автора не было возможности повлиять на свидетеля до того, как он даст показания в суде.

2.2 4 мая 2006 года, за день до слушания дела в суде, В.С. связался с должностным лицом досудебного расследования, чтобы уведомить его о попытках автора встретиться с ним. Указанное должностное лицо допросило В.С. относительно этих утверждений, и на этой встрече В.С. согласился сотрудничать со следственными органами в интересах следствия по подозрению автора в совершении уголовного преступления («неправомерное влияние на свидетеля»).

2.3 Прокурор 4 мая 2006 года обратился к судье, ведущему предварительное следствие, с просьбой санкционировать негласные процессуальные действия в отношении автора в соответствии с двумя положениями Уголовно-процессуального кодекса Литвы: пунктом 1 статьи 158 («действия законспирированных должностных лиц досудебного расследования») и статьей 160 («негласное наблюдение»). Для обоснования этой просьбы прокурор проинформировал судью первой инстанции о попытках автора встретиться с В.С., заявив, что разумно предположить, что автор попытается повлиять на В.С. до того, как он даст показания в суде. Следственные меры будут направлены на сбор доказательств для выяснения возможности подтверждения этих подозрений и на получение информации в отношении двух других подозреваемых в мошенничестве, которые скрылись от правосудия. Ходатайство прокурора было удовлетворено 4 мая 2006 года, и это стало прямым разрешением В.С. взаимодействовать с автором и делать видео- и аудиозаписи их разговоров в соответствии с положениями пункта 6 статьи 158 Уголовно-процессуального кодекса (разрешение 1)¹. В разрешении прямо указывалось, что В.С. дал согласие на

¹ Пункт 1 статьи 158 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает, что должностные лица досудебного расследования могут проводить процессуальные действия в конспиративном порядке. Должностные лица на основании отдельного приказа, предусмотренного статьей 159 Кодекса, могут осуществлять имитацию преступных деяний. Пункт 2 статьи 158 предусматривает, что действия законспирированных должностных лиц досудебного расследования санкционируются приказом судьи предварительного следствия и только в том случае, если имеются достаточные данные о подследственном лице. Судья, проводящий предварительное следствие по ходатайству прокурора, выносит постановление, содержание которого должно соответствовать содержанию постановления, предусмотренного в пункте 3 данной статьи Кодекса. В постановление должны быть включены следующие элементы: а) лица, осуществляющие негласные действия; б) лицо, против которого должны быть направлены негласные действия; в) данные об уголовном преступлении лица; г) конкретные действия, которые эти лица уполномочены совершать; д) цель этих мер; и е) период осуществления негласных действий. В пункте 4 статьи 158 предусматривается, что подстрекательство лица к совершению преступления запрещено. В пункте 6 статьи 158 предусматривается, что в исключительных случаях, когда возможности для изобличения совершивших правонарушение лиц отсутствуют, расследование в порядке, предусмотренном

сотрудничество со следственными органами, что должны быть сделаны записи и что на В.С. должны быть установлены необходимые устройства. Период операции был ограничен периодом с 4 по 10 мая 2006 года. Кроме того, это разрешение позволяло должностным лицам досудебного расследования вести негласное наблюдение за автором в период с 4 по 31 мая 2006 года и производить видео- и аудиорегистрацию его действий в соответствии с положениями статьи 160 Уголовно-процессуального кодекса (разрешение 2)². По просьбе прокурора 9 мая 2006 года судья предварительного следствия выдал еще одно разрешение, одобрив ходатайство о прослушивании телефона автора в период с 9 мая по 9 июня 2006 года.

2.4 21 мая 2006 года был записан телефонный звонок между автором и В.С., в котором автор пригласил В.С. встретиться с ним. Наблюдение за встречей автора и В.С., состоявшейся на АЗС, осуществлялось должностными лицами досудебного расследования 24 мая 2006 года с 19 ч 13 мин до 19 ч 55 мин. Их разговор был зарегистрирован на устройство видео- и звукозаписи с помощью микрофона, который был закреплен на одежде В.С. Согласно расшифровке беседы, автор пытался убедить В.С. не давать против него показаний в ходе проходившего тогда уголовного разбирательства в обмен на финансовую выгоду. В.С. в явной форме отказался изменять свои показания в интересах автора и отказался принять от него какое-либо финансовое вознаграждение. Регистрация в ходе наблюдения велась должностным лицом досудебного расследования согласно соответствующему протоколу, к которому были приложены сделанная в ходе наблюдения фонограмма и распечатка фонограммы переговоров. Информация, собранная путем прослушки телефонных разговоров между автором и В.С., не имеющая отношения к уголовному делу, была уничтожена до окончания предварительного следствия.

2.5 12 марта 2008 года автор был осужден Алитусским районным судом за манипуляции в отношении свидетелей и приговорен к уплате штрафа в размере 1448 евро (примерно 2241 долл. США). Это решение было поддержано Каунасским окружным судом 8 февраля 2009 года. 21 сентября 2010 года Верховный суд Литвы отклонил кассационную жалобу автора³.

Жалоба

3.1 Автор обвиняет государство-участник в нарушении его прав по пункту 1 статьи 17 Пакта, поскольку национальные власти произвольно вмешались в его частную жизнь. Он утверждает, что разрешение на запись его разговора с В.С. и на «имитацию» и «подстрекательство» к уголовному преступлению действовало лишь до 10 мая 2006 года. Соответственно, с 11 мая 2006 года автор был полностью защищен статьей 17 Пакта. Однако, учитывая, что разговор, который был записан, состоялся 24 мая 2006 года, он утверждает, что вмешательство в его частную жизнь не имело под собой законных оснований.

3.2 В этой связи автор отмечает, что разрешение от 4 мая 2006 года было весьма конкретным в том, что касается условий, при которых частные лица, не являющиеся должностными лицами досудебного расследования, могут осуществлять негласное наблюдение и вести регистрацию. Он поясняет, что в своих апелляциях он ссылаясь на статью 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека), которая аналогична статье 17 Пакта, и что суды, тем не менее, отклонили его ходатайства, утверждая, что наблюдение, правомерность

данной статьей, может проводиться лицами, не являющимися должностными лицами досудебного расследования.

² В статье 160 («негласное наблюдение») предусматривается, что судья предварительного следствия по ходатайству прокурора может санкционировать наблюдение за лицом, транспортным средством или объектом. В постановление должны быть включены следующие элементы: а) лицо, транспортное средство или объект наблюдения; б) обоснование этой меры; и с) продолжительность наблюдения. В пункте 2 статьи 160 предусматривается, что должно быть указано, разрешена ли аудио- и видеозапись.

³ Хотя это и не заявляется, из материалов дела следует, что эти уличающие доказательства были также использованы против автора в ходе уголовного разбирательства по обвинению в мошенничестве.

которого оспаривается, велась в соответствии с разрешением, предусмотренным в статье 160 Уголовно-процессуального кодекса и действовавшим до 31 мая 2006 года. Таким образом, разрешение, по мнению национальных властей, включало дату ведения негласного наблюдения. Тем не менее автор утверждает, что статья 160 не может применяться к его ситуации, поскольку В.С., учитывая конкретные обстоятельства дела, должен рассматриваться как лицо, осуществляющее следственное действие, требующее специального разрешения в соответствии со статьей 158 Уголовно-процессуального кодекса. Он утверждает, что иное толкование дало бы прокурорам неограниченные и несоразмерно дискреционные полномочия поручать любому частному лицу осуществлять негласное наблюдение, включая «имитацию» преступления и «подстрекательство» к нему, и вести его запись без какого-либо беспристрастного судебного контроля.

3.3 Автор напоминает, что допустимые ограничения в отношении частной жизни должны толковаться строго в соответствии со статьей 17 Пакта⁴. Он ссылается на мнение Комитета по делу *Рохас Гарсия против Колумбии*⁵ и утверждает, что, даже если согласиться с позицией Верховного суда Литвы, согласно которой вмешательство в его дело было произведено в соответствии с внутренним законодательством, это не препятствует тому, чтобы законное вмешательство считалось произвольным, если оно противоречит положениям Пакта.

3.4 Автор просит Комитет констатировать нарушение пункта 1 статьи 17 и обязать государство-участник возобновить уголовное дело автора и выплатить ему компенсацию.

Замечания государства-участника относительно приемлемости⁶

4.1 В вербальной ноте от 11 января 2016 года государство-участник просило Комитет объявить сообщение неприемлемым по причине его необоснованности, злоупотребления правом на представление сообщений и исчерпания внутренних средств правовой защиты в соответствии со статьями 2, 3 и пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, соответственно.

4.2 Государство-участник утверждает, что незаконность негласных следственных действий может служить основанием для выплаты Литвой компенсации в соответствии со статьей 6.272 Гражданского кодекса. Государство-участник ссылается на решение Вильнюсского районного суда от 4 октября 2013 года, в котором суд присудил компенсацию заявителю за ущерб, причиненный государством в результате незаконной имитации преступного деяния. Государство-участник утверждает, что, поскольку автор не воспользовался этим правовым средством, его жалоба должна быть объявлена неприемлемой в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

4.3 Государство-участник также считает, что жалобу следует признать неприемлемой по причине недостаточного обоснования в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола. Кроме того, государство-участник утверждает, что автор вводит Комитет в заблуждение относительно точного состава санкционированных и проведенных негласных следственных действий, утверждая, что в отношении него было издано распоряжение, разрешающее В.С. имитировать преступные деяния, и относительно того, что его права были нарушены, поскольку такое следственное действие было проведено после истечения срока действия разрешения.

4.4 Что касается соответствующих внутренних законов, то государство-участник утверждает, что они действительно предусматривают достаточные гарантии от незаконного и произвольного вмешательства в частную жизнь. Государство-участник подчеркивает, что, согласно Конституции Литвы, любое ограничение частной жизни

⁴ Автор ссылается на заключительные замечания Комитета по Российской Федерации (CCPR/C/79/Add.54), п. 19, и Ямайке (CCPR/C/79/Add.83), п. 20.

⁵ *Рохас Гарсия против Колумбии* (CCPR/C/71/D/687/1996), п. 10.3.

⁶ Государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости сообщения; однако некоторые из его аргументов тесно связаны с существом дела.

человека требует санкции суда. В условиях уголовного расследования частная жизнь лица может быть ограничена только тогда и как это предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом. В целях постоянного соблюдения этих требований эффективный контроль осуществляется прокурором, судьей предварительного следствия и другими судебными органами. Требование соразмерности также признано в практике Верховного суда Литвы. Отмечается, в частности, что действия по наблюдению должны быть санкционированы судьей, ведущим предварительное следствие, и в распоряжениях должны содержаться достаточные обоснования и четко указываться условия, на которых может быть осуществлено следственное действие, такие как его предмет, продолжительность и возможность ведения записи. Соответствующие законы также предписывают утилизацию собранной информации, если соблюдены определенные условия.

4.5 Переходя к настоящему делу, государство-участник поясняет, что статья 158 Уголовно-процессуального кодекса, в соответствии с которой было выдано разрешение 1, не позволяет осуществлять имитацию преступных деяний, и оно прямо указывает, что для осуществления такого деяния требуется отдельное разрешение в соответствии со статьей 159. Однако в данном случае такое специальное разрешение не запрашивалось и не выдавалось, поскольку для действий В.С. оно не требовалось. Кроме того, государство-участник подчеркивает, что в соответствии со статьями 158 и 159 Уголовно-процессуального кодекса строго запрещается побуждать или подстрекать к совершению преступных деяний. Тем не менее все эти утверждения автора были тщательно изучены национальными судами, которые пришли к выводу о том, что встреча, за которой велось наблюдение, была инициирована самим автором. Кроме того, несмотря на то, что В.С. был готов встретиться с автором в интересах следствия, он не стремился к получению денежного вознаграждения и не соглашался менять свои показания в суде. Соответственно, утверждения автора относительно имитации преступных действий и побуждения к ним со стороны В.С. при отсутствии действительного разрешения вводят в заблуждение и являются полностью необоснованными.

4.6 Кроме того, государство-участник отмечает, что негласные следственные действия, санкционированные распоряжением от 4 мая 2006 года, а именно разрешение В.С. на встречу и запись его бесед с автором (разрешение 1) и санкционированное наблюдение за автором со стороны должностных лиц досудебного расследования с возможностью проведения аудио- и видеозаписи (разрешение 2), соответствуют принципам законности, установленным во внутреннем законодательстве и на практике. Далее представляется, что из просьбы прокурора следует, что наблюдение преследовало допустимые цели, а именно сбор доказательств, подтверждающих, мог ли автор попытаться повлиять на В.С., и получение информации в отношении двух других подозреваемых в деле о мошенничестве, которые скрылись от правосудия. Государство-участник подчеркивает, что просьбы были удовлетворены судьей, ведущим досудебное расследование. Оно также подчеркивает, что в разрешении, согласно положениям соответствующего внутреннего законодательства, указывается сфера охвата, продолжительность и цели разрешенных следственных действий и делается ссылка на согласие В.С. сотрудничать со следственными органами. В разрешении также было указано, что могут производиться записи и что на нем могут быть размещены соответствующие устройства.

4.7 Ссылаясь на решение Верховного суда Литвы, государство-участник утверждает, что, хотя оспариваемое распоряжение от 4 мая 2006 года содержало отдельное разрешение, позволяющее частному лицу, а именно В.С., осуществлять негласное наблюдение и производить регистрацию, этот момент является излишним, поскольку оспариваемое следственное действие не подпадает под действие статьи 158 Уголовно-процессуального кодекса. Государство-участник вновь ссылается на аргумент Верховного суда, согласно которому статью 158 не следует путать со статьей 160 Уголовно-процессуального кодекса, как это было ошибочно сделано судьей, ведущим предварительное следствие. Простая запись разговора, полученного в ходе наблюдения, не должна рассматриваться как действие, подпадающее под действие пункта б статьи 158. Верховный суд постановил, что запись переговоров,

даже если она сделана частным лицом, должна подпадать под сферу действия статьи 160 Уголовно-процессуального кодекса. Таким образом, разрешение 2, дающее следственным органам право на осуществление негласного наблюдения за автором в период с 4 по 31 мая 2006 года и запись его переговоров, является законным основанием для вмешательства. Из решения Верховного суда далее следует, что, учитывая тот факт, что способ осуществления наблюдения с технической точки зрения не регламентирован Уголовно-процессуальным кодексом, для оценки данного дела не имеет значения, были ли переговоры, с технической точки зрения, записаны должностными лицами досудебного расследования или частным лицом, которому они поручили выполнение этой задачи. Государство-участник соглашается с позицией Верховного суда и заявляет, что, хотя в ходе внутреннего судебного разбирательства эксперт установил, что микрофон, используемый для целей наблюдения, скорее всего, был установлен на В.С., при обстоятельствах данного дела он не может рассматриваться как лицо, осуществляющее наблюдение самостоятельно, а скорее как лицо, оказывающее помощь уполномоченным должностным лицам в осуществлении наблюдения на расстоянии и записывающее соответствующий разговор.

4.8 В этой связи государство-участник также ссылается на рекомендации Генерального прокурора от 12 октября 2007 года относительно применения статей 158 и 160 Уголовно-процессуального кодекса. В рекомендациях указано, что в соответствии со статьей 158 могут проводиться следующие негласные следственные действия: негласный контроль за корреспонденцией; негласный обыск помещения или человека; негласное изъятие имущества; негласное проникновение в помещение, транспортные средства или объекты с целью изучения или выемки определенных документов или предметов и/или установки специальных устройств; взаимодействие с подследственным и осуществление видео- и аудиозаписи этого процесса; и использование технических устройств в целях прослушивания разговоров и других видов коммуникации. Далее отмечается, что действия по статье 158 могут осуществляться в сочетании со следственными действиями по статье 154 («Прослушивание и запись информации, передаваемой по телекоммуникационным сетям»), статье 159 («Имитация преступных деяний») и статье 160 («Негласное наблюдение») Уголовно-процессуального кодекса. В таких случаях прокурор может подать одно объединенное ходатайство или несколько отдельных ходатайств о разрешении. В рекомендациях также разъясняется, что в соответствии со статьей 160, когда слежка считается необходимой, она может производиться за человеком, транспортным средством или объектом с целью негласного наблюдения и осуществления аудио- и видеозаписи этого процесса. Как правило, наблюдение осуществляется на расстоянии, без непосредственного контакта с объектом наблюдения и без установки какого-либо технического оборудования внутри каких-либо помещений или транспортных средств.

4.9 Тем не менее государство-участник утверждает, что, даже если, как правило, наблюдение осуществляется на расстоянии, возложение на В.С. обязанности «содействия» проведению аудиозаписи в интересах получения более качественной записи следует считать законным и разумным. Государство-участник настаивает на том, что в соответствии со статьей 160 Уголовно-процессуального кодекса сотрудники полиции могут привлекать частных лиц для «содействия» проведению аудиозаписей при условии, что разрешение позволяет делать аудиозаписи. Государство-участник полагает, что, несмотря на роль частных лиц в таких сценариях, слежка все равно рассматривается как действие, осуществляемое должностными лицами досудебного расследования дистанционно. Государство-участник утверждает, что возможны случаи, когда расследование, проводимое частным лицом, является незаконным; однако в данном случае дело обстоит иначе⁷. Соответственно, с учетом обстоятельств данного дела разрешение 1 не требовалось и поэтому было излишним. В этих условиях, даже если оспариваемое следственное действие было проведено после

⁷ Государство-участник ссылается на внутреннее дело (решение Верховного суда Литвы по делу № 2К-7-141/2008), в котором Верховный суд признал незаконным для частного лица записывать разговор с помощью принадлежащего полиции оборудования, когда это делается до начала официального оперативного расследования и без какого-либо разрешения.

истечения срока действия разрешения 1, это не повлияло на законность наблюдения в свете того неоспоримого факта, что на момент вмешательства все еще действовало разрешение 2.

4.10 Государство-участник далее утверждает, что ввиду обстоятельств следственного действия, а именно того, что оно преследовало вышеупомянутые цели, что оно продолжалось лишь в течение короткого периода времени, что оно использовалось по назначению, тем самым предотвращая воспрепятствование отправлению правосудия, и что В.С. не провоцировал автора на совершение преступления, вмешательство было не только законным, но и необходимым и соразмерным. Оно также утверждает, что, как разъяснялось выше, закон предписывает достаточные гарантии от произвольных действий. Кроме того, утверждается, что если кто-либо совершает уголовное преступление, то это лицо не может рассчитывать на такой же уровень защиты, как и законопослушные граждане.

4.11 Наконец, государство-участник отмечает, что автор обратился в Европейский суд по правам человека, который признал его жалобу неприемлемой в силу ее явной необоснованности. Несмотря на ограниченность аргументов, представленных судом, государство-участник утверждает, что, тем не менее, можно предположить, что он счел утверждения автора недостаточно обоснованными.

4.12 С учетом вышеизложенного государство-участник приходит к выводу, что вмешательство в частную жизнь автора было произведено в соответствии с процедурой, предусмотренной законом, и, как следствие, утверждения автора вводят в заблуждение, не имеют под собой достаточных оснований и поэтому должны быть признаны неприемлемыми в соответствии со статьями 2 и 3 Факультативного протокола. Государство-участник далее повторяет свою позицию, согласно которой автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты, как того требует пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

4.13 Вербальными нотами от 9 мая 2016 года и 24 октября 2016 года государство-участник вновь подтвердило свою позицию, согласно которой Комитету следует признать сообщение неприемлемым ввиду недостаточного обоснования, злоупотребления правом на представление сообщений и неисчерпания внутренних средств правовой защиты. Государство-участник утверждает также, что если Комитет рассмотрит существо жалобы, то ему следует рассмотреть замечания государства-участника от 11 января 2016 года в отношении приемлемости и существа жалоб автора и установить, что по изложенным в них причинам нарушения пункта 1 статьи 17 Пакта допущено не было. В своей вербальной ноте от 24 октября 2016 года государство-участник добавило, что с учетом того, что автор не обжаловал нарушение гарантий справедливого судебного разбирательства в соответствии со статьей 14 Пакта, его просьба о возобновлении уголовного разбирательства в качестве средства правовой защиты в связи с предполагаемым нарушением его прав по пункту 1 статьи 17 Пакта является необоснованной.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5.1 В письме от 3 марта 2016 года автор представил свой ответ на замечания государства-участника. Автор утверждает, что действия В.С., который продолжал общаться с автором и в конечном итоге встретился с ним, должны рассматриваться как имитация преступного деяния, и по этой причине необходимо было получить отдельное разрешение. В любом случае на В.С. было установлено записывающее устройство, что не оспаривается государством-участником. В этой связи автор отмечает, что необходимо проводить различие между следственными действиями, которые осуществляются самими должностными лицами досудебного расследования, в ходе которого лица, находящиеся под наблюдением без их ведома, и следственными действиями, в которых активное участие принимает частное лицо, как В.С. Утверждается, что во втором случае частное лицо, активно участвующее в записанных переговорах, по определению оказывает влияние на диалог или, в более общем плане, на ход событий. Именно поэтому крайне важно, чтобы частным лицам давалось четкое разрешение на проведение такого следственного действия. Поэтому автор настаивает

на том, что регистрация переговоров, предназначенная для использования против подозреваемого, не может производиться частными лицами без официального разрешения.

5.2 Автор просит Комитет констатировать нарушение пункта 1 статьи 17 Пакта, обязать государство-участник выплатить компенсацию за причиненный ущерб и возобновить возбужденное против него уголовное дело.

Дополнительные комментарии автора

5.3 В представлении от 26 января 2017 года автор повторил вышеизложенные аргументы. Кроме того, он сообщил, что государство-участник в своих замечаниях признало, что единственное распоряжение, которое еще действовало 24 мая 2006 года, разрешало проводить следственные действия исключительно должностным лицам досудебного расследования. В этот период автору и В.С. было запрещено общаться друг с другом. Несмотря на это, В.С., зная, что следственные органы собираются записать его переговоры с автором, был готов встретиться с ним. Автор утверждает, что реакция В.С. явно отличалась от реакции человека, который не знал об осуществлении контроля. Кроме того, именно на В.С. был надет микрофон, что государством-участником опровергнуто не было и также было подтверждено экспертным заключением, полученным в ходе внутреннего разбирательства. Эти обстоятельства явно выходят за рамки простого наблюдения, на которое были уполномочены власти, и равносильны несоразмерному вмешательству в частную жизнь автора.

5.4 Ссылаясь на замечание государства-участника от 24 октября 2016 года, автор утверждает, что факты его дела демонстрируют нарушение его прав не только по пункту 1 статьи 17, но и по пункту 1 статьи 14 Пакта на основании незаконности собранных и использованных против него доказательств.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в том или ином сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры решить, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом.

6.2 Комитет отмечает, что автор подал аналогичный иск в Европейский суд по правам человека, который в 2013 году признал его неприемлемым. Он напоминает, что понятие «этот же вопрос» по смыслу пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола следует понимать как включающее одну и ту же жалобу в отношении одного и того же лица, представленную в другой международный орган, тогда как содержащийся в этом пункте запрет относится к тому же вопросу, находящемуся в стадии параллельного рассмотрения⁸. Даже если настоящее сообщение было представлено этим же лицом в Европейский суд по правам человека, этот орган уже вынес решение по нему. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник не сделало оговорки к пункту 2 а) статьи 5 с целью воспрепятствовать рассмотрению Комитетом сообщений, которые ранее рассматривались другим органом. Соответственно, он удостоверился, как того требует пункт 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, что тот же самый вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Что касается пункта 1 статьи 14 Пакта, то Комитет отмечает, что автор поднял вопрос о нарушении его прав по этой статье только в своем последнем представлении, не оправдывая такую запоздалую реакцию, хотя, как представляется, факты, послужившие основанием для этого утверждения, уже были очевидны во время его первого представления. В любом случае Комитет отмечает, что автор не смог доказать, что он обращался с этой жалобой во внутренние суды, и не привел никаких доводов

⁸ См., например, *Эгле Кусайте против Литвы* (CCPR/C/126/D/2716/2016), п. 7.2.

относительно того, почему он не смог этого сделать или почему такие средства правовой защиты не были бы эффективными в его случае. С учетом таких обстоятельств Комитет приходит к заключению, что автор не исчерпал имеющиеся внутренние средства правовой защиты в отношении предполагаемого нарушения пункта 1 статьи 14 Пакта. Таким образом, эта часть жалобы должна быть признана неприемлемой в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.4 В отношении пункта 1 статьи 17 Пакта Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что в соответствии со статьей 6.272 Гражданского кодекса Литвы незаконность следственного действия может служить основанием для подачи иска о возмещении ущерба. Комитет напоминает, что пункт 2 b) статьи 5 не обязывает авторов исчерпывать судебные или иные средства правовой защиты, которые не дают никакой разумной надежды на успех⁹. Комитет считает, что, хотя государство-участник ссылается на правоприменительную практику, в соответствии с которой национальные суды присуждали компенсацию на основании незаконной имитации уголовного деяния, оно не смогло доказать, что такое средство правовой защиты было бы действительно эффективным в данном случае с учетом того обстоятельства, что национальные суды не признали незаконность оспариваемой меры. Соответственно, на основе имеющейся у него информации Комитет не может сделать вывод о том, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты. Поэтому Комитет считает, что в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола ничто не препятствует рассмотрению жалобы автора по пункту 1 статьи 17 Пакта.

6.5 Комитет далее принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым на основании злоупотребления правом на представление сообщений, и его заявление о том, что автор намеренно представил вводящую в заблуждение информацию о точном содержании санкционированных и проведенных негласных следственных действий. Комитет считает, что представленная автором информация отражает различия в толковании сферы применения и существования закона и не может рассматриваться как злоупотребление правом на представление сообщений.

6.6 Комитет принимает далее к сведению утверждение государства-участника о том, что жалоба не является достаточно обоснованной в соответствии с пунктом 1 статьи 17 Пакта. В этой связи Комитет отмечает утверждение автора о том, что государство-участник нарушило его права по пункту 1 статьи 17 Пакта, поскольку национальные власти произвольно вмешались в его частную жизнь, проведя негласную следственную операцию, которая дошла до имитации преступного деяния и подстрекательства к нему без действительного и соответствующего разрешения. Комитет принимает к сведению доводы автора о том, что разрешение от 4 мая 2006 года было весьма конкретным в отношении условий, при которых негласные записи могут производиться частными лицами. С учетом того, что, по словам автора, разрешение, позволяющее В.С. проводить следственные действия в отношении автора и записывать их переговоры, действовало лишь до 10 мая 2006 года, наблюдение, осуществленное 24 мая 2006 года при активном участии В.С., не может считаться подпадающим под действие разрешения, предусмотренного статьей 160 Уголовно-процессуального кодекса, действовавшего в то время, и поэтому вмешательство не имело под собой правового основания.

6.7 С другой стороны, Комитет отмечает аргумент государства-участника, который соответствовал решению Верховного суда, о том, что статью 158 не следует путать со статьей 160 и что запись переговоров, даже если она ведется частным лицом, подпадает под действие статьи 160 Уголовно-процессуального кодекса, поскольку для оценки дела не имеет значения, было ли сообщение, с технической точки зрения, записано должностными лицами досудебного следствия или частным лицом, которому они поручили это дело. Комитет принимает к сведению позицию государства-участника, согласно которой разрешение 2, по-прежнему действовавшее в день оспариваемого вмешательства, обеспечивало достаточную правовую основу

⁹ См., например, дело *Дипана Будлакоти против Канады* (CCPR/C/122/D/2264/2013), п. 8.4.

для такого вмешательства и было необходимым и соразмерным преследуемым целям, а именно предупреждению преступности и надлежащему отправлению правосудия.

6.8 Комитет далее подчеркивает сложность рассматриваемого вопроса и принимает к сведению подробный анализ внутренних судов Литвы, в том числе и Верховного суда, на предмет законности оспариваемого следственного мероприятия. Комитет напоминает о том, что «по общему правилу именно судам государств — участников Пакта надлежит производить оценку фактов и доказательств или же обеспечивать применение внутреннего законодательства в каком-либо конкретном деле, кроме как если может быть доказано, что такая оценка или применение явным образом носили произвольный характер или составили очевидную ошибку или отказ в правосудии¹⁰. В таких обстоятельствах с учетом информации, содержащейся в материалах дела, Комитет считает, что автор не представил достаточных доказательств для целей приемлемости того, что применение внутреннего законодательства национальными судами было равносильно явно произвольным, явно ошибочным или равнозначным отказу в правосудии. Поэтому сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

7. Поэтому Комитет постановляет:

- a) признать данное сообщение неприемлемым по статьям 2, 3 и пунктам 2) a) и b) статьи 5 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору сообщения.

¹⁰ См., например, *Лин против Австралии* (CCPR/C/107/D/1957/2010), п. 9.3.

Приложение I

Особое мнение члена Комитета Васильки Санцин (несогласное)

1. Позволю себе не согласиться с выводом большинства в отношении предполагаемого нарушения пункта 1 статьи 17 Пакта по двум причинам. Во-первых, я считаю, что автор выполнил требование *prima facie* о достаточном обосновании своей жалобы для целей приемлемости. Во-вторых, жалоба автора тесно связана с существом дела и поэтому должна была бы быть проанализирована в контексте рассмотрения дела по существу, в результате чего было бы установлено нарушение по причинам, изложенным ниже.

2. В данном случае между сторонами не было противоречия в том, что следственное мероприятие, проведенное 24 мая 2006 года с участием как В.С., так и должностных лиц досудебного расследования, представляло собой «посягательство» на право автора на неприкосновенность частной жизни, для которого требовалось наличие действительной правовой основы. Таким образом, остается открытым вопрос о том, является ли такое вмешательство произвольным или незаконным в соответствии со статьей 17 Пакта.

3. Любое вмешательство в осуществление права на неприкосновенность частной жизни, для того чтобы оно было допустимым в соответствии со статьей 17, должно в совокупности отвечать условиям, изложенным в пункте 1. Другими словами, оно должно быть предусмотрено законом; соответствовать положениям, целям и задачам Пакта; и быть обоснованным с учетом конкретных обстоятельств данного дела¹. Вмешательство не является «незаконным», если оно не противоречит соответствующему внутреннему законодательству в его толковании национальными судами, и Комитет правильно напомнил, что по общему правилу именно судам государств — участников Пакта надлежит производить оценку фактов и доказательств или же обеспечивать применение внутреннего законодательства в каком-либо конкретном деле, кроме как если может быть доказано, что такая оценка или применение явным образом носили произвольный характер или составили очевидную ошибку или отказ в правосудии (см. пункт 6.8).

4. Кроме того, законность также связана с качеством закона, подразумевая, что он должен быть доступен для соответствующего лица и предсказуем в отношении его последствий. Прогнозируемость в особом случае негласных мер наблюдения подразумевает, что закон должен быть достаточно ясным, чтобы граждане имели адекватное представление об обстоятельствах и условиях, при которых государственные органы имеют право прибегать к любым подобным негласным мерам².

5. Соответствующие процессуальные и сущностные требования к негласным следственным действиям в данном случае определены в статьях 158 («действия законспирированных должностных лиц досудебного расследования») и 160 («наблюдение») Уголовно-процессуального кодекса Литвы. В пункте 6 статьи 158 предусматривается, что в исключительных случаях, когда отсутствуют возможности для обнаружения лиц, совершающих преступления, расследование в порядке, предусмотренном данной статьей, может проводиться лицами, не являющимися должностными лицами досудебного расследования. Кроме того, указывается, что подстрекательство лица к совершению преступления запрещено в соответствии с санкцией на ведение негласного наблюдения, выданной в соответствии с этой статьей. В соответствии со статьей 160 негласное наблюдение за лицом, транспортным средством или объектом может быть разрешено, но, в отличие от статьи 158, в ней не

¹ См., например, *Ван Хюлст против Нидерландов* (CCPR/C/82/D/903/1999), п. 7.3.

² См., например, Европейский суд по правам человека, *Хан против Соединенного Королевства* (жалоба № 35394/97), решение от 12 мая 2000 года, п. 26.

содержится положения, позволяющего совершать санкционированные действия частным лицам, а также ничего не говорится об имитации преступных действий и подстрекательства к ним при осуществлении следственных действий в соответствии с предоставленным на основании этой статьи разрешением.

6. Таким образом, следственное действие с участием В.С., по моему мнению, подпадает под действие статьи 158, в отношении которой на момент вмешательства национальные власти уже не имели действительного разрешения. Толкование государства-участника, согласно которому к оценке дела не имеет отношения тот факт, было ли сообщение, с технической точки зрения, зарегистрировано должностными лицами досудебного расследования или частным лицом, которому они поручили это дело, представляется мне несоразмерно общим и поэтому произвольным. Если бы в законе была предусмотрена возможность прямого контакта в соответствии со статьей 160 между подозреваемым и лицом, которое уведомлено об обстоятельствах проводимого контроля, то он бы, как и в статье 158, прямо запрещал подстрекательство к преступным деяниям. Поэтому негласное наблюдение в соответствии со статьей 160 Уголовно-процессуального кодекса, как представляется, ограничивается наблюдением за подозреваемым на расстоянии, что также подтверждается рекомендациями Генерального прокурора Литвы, согласно которым, в то время как негласные следственные действия в соответствии со статьей 158 могут предполагать взаимодействие с подследственным лицом, в соответствии со статьей 160, как правило, наблюдение осуществляется на расстоянии (см. п. 4.8). Если бы в действиях по контролю за переговорами не были непосредственно задействованы частные лица, связанные с властями, то настоящее дело действительно подпадало бы под действие статьи 160 Уголовно-процессуального кодекса. Однако обстоятельства, связанные с настоящим делом, являются иными.

7. Государство-участник также заявило, что, как установлено Верховным судом Литвы, разрешение 1, предоставленное на более короткий срок конкретно В.С., является излишним, и судья, проводивший предварительное следствие, ошибся в его предоставлении (см. п. 4.7). Это можно понимать как обнаружение иного и даже противоречивого толкования между национальными органами власти в отношении сферы применения статей 158 и 160 Уголовно-процессуального кодекса, что ставит под сомнение два качественных требования к законности внутреннего законодательства — его ясность и предсказуемость.

8. В свете вышеизложенного я делаю вывод о том, что государство-участник не представило надлежащего правового основания и разрешения на оспариваемое вмешательство, поскольку соответствующие положения не оставляли властям никаких дискреционных полномочий для принятия решения о проведении оспариваемого следственного действия с помощью частного лица на основании одного положения (статья 160), а не другого (статья 158).

9. Учитывая все эти причины, я считаю, что сообщение должно было быть принято и что действия государства-участника свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 17 Пакта.

Приложение II

Особое мнение члена Комитета Сюити Фуруя (несогласное)

1. Не могу согласиться с выводом большинства, а именно с тем, что автор не обосновал в достаточной степени свое утверждение, относящееся к пункту 1 статьи 17, и, следовательно, эта часть сообщения является неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола.

2. Согласно пункту 1 статьи 17, никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в личную и семейную жизнь и посягательствам на неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции. Таким образом, при рассмотрении вопроса о том, было ли совершено нарушение пункта 1 статьи 17, Комитет должен определиться по двум вопросам. Вначале он должен решить, являются ли эти действия вмешательством в личную и семейную жизнь автора, посягательством на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции; если решение по этому вопросу будет положительным, то он должен будет решить, является ли вмешательство произвольным или незаконным¹. По моему мнению, поскольку второй вопрос связан с правовой оценкой рассматриваемой ситуации, он в принципе должен изучаться на этапе рассмотрения по существу.

3. В частности, я не могу согласиться с аргументацией, принятой в решении по данному делу. Главным основанием для вынесения решения является то, что, как правило, именно судам государств-участников надлежит производить рассмотрение фактов и доказательств или же обеспечивать применение внутреннего законодательства в конкретном случае, кроме как если может быть доказано, что такая оценка или применение носили явно произвольный характер или составили очевидную ошибку или отказ в правосудии. В принятом большинством решении также указывается, что автор не смог доказать, что толкование, данное национальными судами государства-участника, в том числе Верховным судом, с точки зрения законности оспариваемых следственных действий, равносильно явному произволу, явной ошибке или отказу в правосудии. Если государство-участник утверждает, что мера, нарушающая неприкосновенность частной жизни, предусмотрена законом, то автор должен будет опровергнуть этот аргумент, продемонстрировав, что применение данного закона носило явно произвольный характер или было равнозначно явной ошибке или отказу в правосудии. Однако это представляется крайне невыгодным для автора на этапе рассмотрения приемлемости и противоречит формулировке статьи 17, которая запрещает лишь «незаконное» вмешательство. Согласно статье 17, по моему мнению, порог доказывания не должен быть выше, чем «незаконность» в общепринятом смысле, а порог для определения целей приемлемости должен быть ниже, чем порог для рассмотрения существа вопроса.

4. В данном случае автор утверждает, что взаимодействие между ним и В.С. было записано на видео- и аудионоситель без его согласия, и этот факт не был оспорен государством-участником. Таким образом, из этого следует, что автор достаточно обосновал существование вмешательства. Кроме того, автор и государство-участник очевидно по-разному толкуют сферу охвата и содержания внутреннего законодательства, касающегося «законности» вмешательства. Мне представляется, что, хотя толкование государством-участником вполне понятно, толкование автором не столь уж необоснованно касательно привлечения частных лиц. В этой связи я считаю, что автор продемонстрировал, что следственные меры, принятые государством-участником, были *prima facie* незаконными для целей приемлемости.

¹ *А.Б. против Канады* (CCPR/C/117/D/2387/2014), п. 8.7.

5. Кроме того, даже если Комитет установит, что автор не смог доказать незаконность мер, принятых государством-участником, он должен будет также принять решение о том, были ли эти меры произвольными. В соответствии с правовой практикой Комитета, понятие «произвольности» не приравнивается к понятию «противозаконности». Его следует толковать более широко, включая в него элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности². Фактически, автор утверждает, что, даже если согласиться с позицией Верховного суда, согласно которой вмешательство в его дело было произведено в соответствии с внутренним законодательством, это не препятствует тому, чтобы законное вмешательство считалось произвольным, если оно противоречит положениям Пакта (п. 3.3). Тем не менее Комитет не рассмотрел предполагаемый произвольный характер оспариваемых мер.

6. На мой взгляд, при оценке произвольности действий следует учитывать необходимость и соразмерность принимаемых мер. В данном случае государство-участник утверждает, что запись имела целью сбор доказательств для выяснения того, мог ли автор попытаться повлиять на В.С., а также на получение информации о двух других подозреваемых в деле о мошенничестве, которые скрылись от правосудия. Что касается первой цели, то автору действительно было запрещено устанавливать контакт с В.С., с тем чтобы автор не имел возможности повлиять на свидетеля до дачи последним показаний в суде. Однако если реальная цель заключалась в том, чтобы помешать автору повлиять на В.С., то наиболее эффективным способом является не регистрация разговора между автором и В.С., а обращение к В.С. с просьбой воздержаться от встречи с автором. Тем не менее следственные органы потребовали, чтобы В.С. связался с автором и записал их беседу. В этой связи я вынуждена полагать, что запись была необходима не для того, чтобы помешать автору оказывать влияние на В.С., и не была соразмерна этой цели. По сравнению с первой целью, вторая цель — получение информации в отношении двух других подозреваемых, скрывающихся от правосудия, — как представляется, удовлетворяет критерию необходимости. Вместе с тем государство-участник не представило Комитету никакой информации о том, была ли и в какой степени запись разговора автора соразмерна этой цели.

7. По всем этим причинам я должна сделать вывод о том, что жалоба автора, касающаяся его права по пункту 1 статьи 17, является приемлемой. Кроме того, поскольку государство-участник не смогло в достаточной степени продемонстрировать необходимость и соразмерность осуществления записи разговора автора с В.С., эта мера является нарушением пункта 1 статьи 17.

² Там же; и *Ильсов против Казахстана* (CCPR/C/111/D/2009/2010), п. 7.4.